

УДК 930:329.1"19"(045)

*И.Ф. Сергеевкова***«КУЛЬТУРНЫЙ ПОВОРОТ» И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ
ФАШИЗМА В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье рассматриваются новые тенденции в изучении фашизма представленные в исторической литературе США и Великобритании начиная с 1990-х гг., связанные с «культурным поворотом» в исторической науке. В историографии фашизма «культурный поворот» выразился в обращении исследователей к изучению идеологии, которую ранее серьезно не воспринимали. Историки вновь вернулись к рассмотрению фашизма как политической религии, к концепции М. Вебера о харизматическом лидерстве, изучению антисемитизма, Холокоста, фашистской культуры, влиянию идеологии на повседневную жизнь простых людей в фашистских государствах и практике по созданию нового человека, сравнительному изучению фашистских движений. Для реализации поставленной цели автор обращается к классическим исследованиям фашизма в работах Р. Гриффина, С. Дж. Пейна, Р. Итвелла, А. Каллиса, Я. Кершоу, Р. Бен-Гиат и др.

Ключевые слова: фашизм, нацизм, политическая религия, харизматическое лидерство, антисемитизм, Холокост, модернизм.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-5-1035-1046

Активизация ультраправых группировок, возрождение нацистской символики и лозунгов, героизация нацистских пособников в последние годы в ряде стран постсоветского пространства вновь поставили проблему фашизма в центр внимания историков и общественности. Свидетельством тому являются множественные публикации научных статей и монографий на эту тему. По словам американского историка С. Пейна: «Ни одному явлению современной истории не уделялось столько внимания, ни одно не имело такое множество "интерпретаций", разнообразных подходов, как фашизм и, вероятно, это будет продолжаться еще долго» [55, с. VIII].

Важнейшей научной задачей историков является не только изучение фашизма, но и историографии данной проблемы. Одно из ведущих мест в мировой исторической науке занимают работы исследователей США и Великобритании, которые уже долгие годы, наряду с историками ФРГ, держат первенство в изучении истории фашизма. Данная статья призвана рассмотреть новые направления изучения фашизма и новые оценки ряда проблем, связанные с так наз. «культурным поворотом» в работах ведущих англо-американских историков.

Когда в 1969 г. британский историк С. Вульф опубликовал материалы конференции, проведенной Университетом Рединга (Великобритания) под заголовком «Природа фашизма» [62], перечень статей в сборнике свидетельствовал о преобладании в изучении фашизма теорий тоталитаризма и модернизации.

В 1970–80-е гг. главное внимание исследователи уделяли изучению социальной базы фашизма, которая рассматривалась как сущностная характеристика фашизма. Во многом это было обусловлено ведущим положением социологов и политологов в изучении данного явления.

Новый этап исследований фашизма начал формироваться с начала 1990-х гг., когда в науке произошла смена поколений. Для молодых историков характерно критическое отношение к подходам, выработанным предыдущими поколениями исследователей. Стало очевидно, что теория тоталитаризма, доминировавшая в дискуссиях о фашизме в 1950–80-х гг. и объединявшая нацизм и фашизм с коммунизмом, препятствовала рассмотрению фашизма как самостоятельного родового явления. Многие исследователи политики XX в. осознали отсутствие концепции, подходящей для характеристики межвоенных авторитарных движений и режимов в Европе.

Еще в 1980-е гг. исследователи стали уделять повышенное внимание истории культуры, что получило название «культурный поворот» (culturalturn). В сфере культуры стали искать объяснения различных социальных, экономических или политических феноменов. Важным фактором, вызвавшим «культурный поворот» в историческом знании, стало взаимодействие историков и антропологов. Историки заимствовали широкое антропологическое понимание культуры, включавшее не только высокую культуру, но и повседневные практики, ритуалы, обычаи, весь уклад жизни.

В результате, так наз. «культурного поворота» обновляется «интеллектуальная повестка дня» в историографии фашизма. В 1991 г. вышла книга профессора Оксфордского университета Р. Гриффина «Природа фашизма» [37]. Развивая идеи Дж. Л. Мосса, С. Пейне, Э. Джентиле и З. Стернхелла, он обратился к изучению фашистской идеологии, которую считал важной для понимания фашизма. Р. Гриффин квалифицирует фашизм как идеологию «третьего пути», прежде всего, из-за его основного требования «бороться за новое видение ... за радикальный разрыв со всеми традиционными идеологиями и партиями» [37, с. 50]. По его мнению, фашизм был формой модернистского бунта против общественного упадка «разновидностью политической идеологии, мифическим ядром которой в ее различных вариациях является палингенетический популистский ультра национализм». Ультра национализм и палингенезис означают возрождение и обновление национального сообщества [37]. Р. Гриффин пишет: «Мое определение ... дает возможность понять не только индивидуальный габитус фашистов и их убеждения, но и фашистское правление и политику, если воспринимать фашизм, прежде всего, как идеологию [38, с. 26]».

Концепция Р. Гриффина быстро завоевала множество сторонников, но вызвала и отрицательные оценки [8; 20; 52]. Отвечая критикам, Р. Гриффин подчеркивал, что он не претендует на окончательную формулировку сущности фашизма, а лишь дал определение, являющееся идеальным типом, необходимым исключительно для эвристических целей.

Профессор университета Джона Гопкинса, специалист по истории итальянского фашизма, А. Литтелтон назвал рассмотрение идеологии фашизма «величайшим завоеванием (последнего десятилетия)» [50, с. 272]. Профессор университета в Бате Р. Итвелл предложил подходить к фашизму как к «спектрально-синкретической идеологии». В связи с тем, что фашизм, поздно вышедший на политическую арену, не создал свою идеологию, а объединил левые и правые идеологемы [22]. «Среди них наиболее важными были: консервативный взгляд на человека, ограниченного природой, и идеи левых о возможности создания "нового человека"; приверженность науке, особенно с точки зрения понимания человеческой природы, и иррациональный, виталистический интерес к возможностям воли ...; вера и служение христианству и героизмом классической мысли; признание частной собственности, что более типично для правых, и формы социального обеспечения, характерных для левых» [22, с. 164]. Р. Итвелл также подчеркнул адаптивность фашизма, его прагматичную изменчивость, обусловленную тем, что он возник в различных национальных контекстах, специфика которых сформировала национальные варианты.

Профессор Килского университета А. Каллис, автор ряда монографий, посвященных вопросам фашистской идеологии, пропаганды и геноцида в годы Второй мировой войны, высоко оценил работы Р. Гриффина, назвав его интеллектуальным вундеркиндом [47, с. 1], но, в то же самое время, он считает необходимым не только изучение идеологии, но и практики фашистских режимов. А. Каллис, как и Р. Гриффин, считает, что истоки фашизма следует искать во второй половине XIX века, когда ряд мыслителей по всей Европе начали массированную атаку против либерализма, как идеологии индивидуализма, прав человека и плюрализма. Либеральное государство стало рассматриваться как основной источник морального упадка, социальных трудностей и культурной деградации. За четыре десятилетия до появления фашизма была разработана идеология социализма, ставшая перед Первой мировой войной главной альтернативой либерализму. Первая мировая война и большевистская революция в России стимулировали объединение разрозненных идей радикальной мысли, обеспечивших идейную базу фашизма. А. Каллис не рассматривает фашизм как движение, направленное против модернизации. Он отмечает, что к моменту появления фашизма европейские страны уже адаптировались к процессам модернизации. В центре внимания фашистов оказалась идея нации, которая стала более мощным средством противодействия идее классовой борьбы и мобилизации масс, направленная на поиск «третьего пути» развития. «Таким образом, – пишет А. Каллис, – фашизм возник из пепла Первой мировой войны как революционная, радикальная националистическая идеология, основанная на прославлении идеализированной нации и коллективного действия, направленная против либерализма и социализма. Это было популистское движение, одержимое стремлением преодолеть национальный упадок и возродить национальное единство [48, с. 1054].

Автор разделяет мнение израильского историка З. Стернхелла о том, что интеллектуальным инкубатором профашистской идеологии была Франция, а Италия стала первым испытательным полигоном для их реализации. А. Каллис пишет, что многие политики в межвоенный период рассматривали фашизм как подлинную альтернативу либерализму и социализму. Большинство диктаторов в то

время не скрывали своего восхищения политикой Б. Муссолини и старались подражать ему. Даже У. Черчилль, посетивший Рим в 1927 г., отметил: «Если бы я был итальянцем, уверен, что был бы с вами полностью с самого начала в вашей победоносной борьбе против звериных appetитов и ужасов ленинизма» [48, с. 1054]. Немало сторонников у итальянского фашизма было и в США.

Приход к власти А. Гитлера, по мнению А. Каллиса, явился еще одним свидетельством общеевропейского ухода от либерализма, социализма и поиска нового типа популистской политики. Антисемитизм и расизм присутствовали в идеологии многих фашистских движений, но только в нацизме они носили характер одержимости. Именно поэтому, отмечает А. Каллис, некоторые историки не решаются безоговорочно относить нацизм к категории «фашизм», хотя национальная специфика не является основанием для отказа от общей дефиниции. «Конкретные проявления фашизма в гораздо большей степени зависят от национальных особенностей, чем в случае с либерализмом или социализмом. Расизм, антисемитизм, религиозный мистицизм, корпоративизм, подкрепленный католицизмом и империализмом, изначально не были связаны с фашизмом; они стали частью программ различных фашистских движений в соответствии с исторически сложившимися национальными традициями и в радикальном варианте использовались для обоснования идеи возрождения нации», – пишет историк [48, с. 1158].

Признавая важность «фашистского минимума» для изучения фашизма, он обоснованно считает его недостаточным, поскольку природу фашизма нельзя определять только идеологическими установками, необходимо учитывать всю совокупность факторов, в том числе экономические и социальные. «Я утверждаю, – пишет А. Каллис, – что «успех» межвоенного фашизма был обязан, по меньшей мере, не только культурным, политическим и социальным патологиям, глубоко укоренившимся в мейнстриме, но и убедительности его идеологического синтеза и эффективности его политической практики» [45, с. 2]. Автор перечисляет конкретные мероприятия, осуществленные итальянскими фашистами после прихода к власти, позволяющие понять суть их политики: укрепление культа дуче, реформы Альфредо Рокко, заложившие основы всеобъемлющего государства, подчинение фашистской партии государственной бюрократии, подавление ее радикального крыла, призывавшего к продолжению революции и полному разрыву с прошлым, подписание Латеранских соглашений с Ватиканом в 1929 г. и провалившаяся корпоративная реформа. Практика фашизма, по мнению историка, свидетельствует об их отказе от провозглашенных ранее революционных установок. К началу 1930-х гг. итальянский фашизм создал тоталитарное государство, но при этом утратил свой революционный радикализм [48, с. 1057].

Характерной чертой формирования и функционирования фашистских режимов, верно отмечает А. Каллис, является их тесное сотрудничество с политической, военной и экономической элитами, которые не только привели фашистов к власти, но и весьма терпимо относились к их бесчинствам. В Италии и Германии элиты, продвигая фашистов к власти, полагали, что смогут их контролировать. Однако, даже осознав ограниченность своих контролирующих полномочий, они не выступали против фашистских режимов, так как новый режим весьма успешно реализовывал их интересы, позволяя извлекать выгоду из политики милитаризации, автаркии и внешней экспансии. Таким образом, А. Каллис развивает и дополняет положения, выдвинутые Р. Грифффином.

Обращение к идеологии возродило теорию «политической религии». Первым, кто использовал термин «политическая религия» для характеристики фашистской идеологии, был профессор политологии Венского университета Э. Фогелин. В 1938 г., незадолго до аншлюса Австрии, он написал эссе под названием «Политические религии» [65]. Э. Фогелин подчеркивал, что фашисты присваивали элементы христианской символики для создания нового типа коллективной общности, основанной либо на национальной идентичности, либо на расе, либо на классе. По его мнению, политическая религия возникает там, где происходит крушение религиозной веры, вызванной Реформацией, а затем Просвещением.

В 1939 г. французский философ Р. Арон провозгласил наступление «великой эпохи религиозной политики». Другим теоретиком «политической религии» был профессор американского католического университета Нотр-Дам В. Гурайн. В 1964 г. в эссе «Тоталитаризм как политическая религия» он утверждал, что политические религии – это нечто большее, чем циничные манипуляции; скорее, они выражают подлинные убеждения сторонников этих идей. По его мнению, тоталитарные политические религии возникают там, где традиционная стабильность и преемственность находятся под угрозой или исчезли» [40, с. 120–123., с. 125–129].

В 1960-е гг. в ряде работ Дж. Моссе высказал мнение о том, что идеология фашизма не была мешаниной идей и ее следует рассматривать как целостную рациональную систему, имеющую внутреннюю логику и являющуюся «по существу религиозной», основанной на мифе, расе и ритуале.

С начала 2000-х гг. в связи с «культурным поворотом» концепция «политической религии» вновь обрела сторонников. Подтверждением тому стал выход журнала «Тоталитарные движения и политические религии». В 2004 г. в Университете Висконсин-Мэдисон была проведена конференция «Политические религии в современную эпоху» [26]. По мнению ее участников (Э. Джентиле, Р. Гриффин, Дж. Грегор, Р. Итвелл, Р.О. Пакстон, Д. Робертс и другие), основы «политической религии» были заложены во времена Французской революции 1789 г., «принявшей вид религиозной революции», несмотря на пренебрежительное отношение со стороны её прародителей и основных действующих лиц к католической церкви и христианской религии в целом. Революция породила уникальный сплав религиозного чувства и рационализма, «новую религию, правда, незавершенную, без Бога, без ритуалов и без жизни после смерти, но такую, которая тем не менее, подобно исламу, наводнила землю своими воинами, апостолами и мучениками» [56, с. 166]. В докладах участников конференции подчеркивалось, что теория политических религий во многом обязана теории тоталитаризма, которая также рассматривала фашизм как попытку преобразовать общество посредством распространения всеобъемлющего, мессианского и утопического проекта, в периоды сильных потрясений, вызывающих состояние «дезориентации» масс [31, с. 30–31].

В соответствии с теорией «политической религии», фашизм – это националистическая революция, направленная против либерализма и марксизма, базирующейся на паленгенетическом мифе. В отличие от теоретиков тоталитаризма, видевших главные признаки тоталитарных режимов в терроре (Х. Арендт), тотальном государственном контроле общественной жизни (З. Бжезинской и К. Фридрих), монополии на власть одной партии (Р. Арон), они, полагают, что важнейшим признаком тоталитаризма является «политическая религия», выраженная в ритуале, церемониале, воспевании героев-мучеников, культе вождя [31, с. 64].

Сторонники концепции «политической религии», выражают несогласие с исследователями, которые рассматривают тоталитарную идеологию как циничный обман для достижения власти, по их мнению, такой подход препятствует пониманию сложности этого явления, хотя, они признают, что цинизм и фанатизм в тоталитарной идеологии парадоксальным образом сочетались. Фашисты, как отметили участники конференции, изначально не обещали свободы, равенства, справедливости или мира всему человечеству. Они выступали как крайние националисты и расисты, защищали социальную иерархию, выражали презрение к гуманизму. Казалось бы, эти идеи бесперспективны, однако они вызвали одобрение миллионов мужчин и женщин, которые почувствовали себя частью привилегированной общности, призванной править миром и выполнить мессианскую роль. Что касается традиционных религиозных институтов, то фашисты либо придерживаются враждебного отношения к ним, либо стремятся их ликвидировать, или пытаются установить отношения сосуществования, включив традиционную религию в свою собственную систему верований и мифов, сведя ее к подчиненной и вспомогательной роли.

Профессор Кардиффского университета М. Берли, исходя из теории «политической религии» [12], пытается объяснить патологическую жестокость нацистов. По его мнению, нацисты в своих современниках видели либо жертвы мирового зла, которое они мечтали искоренить, либо виновников этого зла... Чувство ненависти к врагам составляло конкретную и деятельную психологическую основу их жизни. Страсть к устройству земного рая трансформируется в страсть к разрушению [12, с. 39]. Мечта о создании другого воображаемого мира противоречила реальности. Разрыв между реальностью и идеологическими установками преодолевался только насилием над демонизированными врагами, что ярко проявлялось в «действиях айнзацгрупп на восточном фронте, убивших миллионы людей ... и в садистской «индустриальной рациональности» нацистских лагерей смерти [12, с. 75].

Большинство сторонников концепции «политической религии» фашизма считают ее псевдорелигией, возникшей в секулярных политических режимах и использующей ритуалы, мифы, символы и обряды, отношение к государству, нетерпимость к врагам, как эффективное средство подчинения масс и обоснование национального единства.

Концепция «политической религии» занимает центральное место в любом анализе харизматического лидерства и, в частности, в понимании культов личности, которые имеют специфическую религиозную коннотацию.

Р. Итвелл, используя концепцию харизматического лидерства, разработанную классиком социологии М. Вебером, отметил, что харизматический тип лидерства был важной составляющей фашизма. «Синкретическая идеология фашизма имеет решающее значение для понимания его подъема и поддержки. Также как и личность Гитлера, оказывавшая огромное влияние на внутреннее ядро партии даже в "лихие годы"; магнетизм его харизмы в дальнейшем помог привлечь массы к "партии фюрера" [23, с. 263], даже тех, кто не интересовался политикой, не участвовал в выборах, а также женщин», – пишет он [23, с. 267]. Р. Итвелл критикует известного британского социолога, автора книги «Фашисты» М. Манна за то, что тот перечисляя признаки фашизма не включил в список харизматическое лидерство.

Английский историк Я. Кершоу в двухтомной биографии А. Гитлера, описывает германский национал-социализм и как специфическую форму фашизма, и как особое выражение тоталитаризма и как квази-религию. Он отвергает точку зрения западногерманского историка К.-Д. Брахера, утверждавшего, что уникальность нацизма заключалась в А. Гитлере, что нацизм был гитлеризмом. Я. Кершоу не отрицает, что А. Гитлер был уникальной исторической личностью. Но уникальность нацистской диктатуры, по его мнению, объясняется не столько характером А. Гитлера, каким бы необычным он ни был, сколько специфической формой правления, которую он воплощал – харизматическое лидерство. Такой тип лидерства носит характер «личных» отношений харизматического лидера и его последователей, предполагая веру сторонников в миссию лидера – национальное спасение, путем очищения от пагубного зла, находящегося внутри страны и за ее пределами. Стремление к национальному возрождению, конечно, лежало в основе всех фашистских движений. Но только в Германии оно приняло ярко выраженные псевдорелигиозные тона.

Интересна попытка Я. Кершоу показать несостоятельность персонификации истории в свете преемственности реакционной традиции германской истории. Не являясь сторонником теории *Sonderweg*, он считает, что часть аргументов этой теории были напрасно отброшены. «Харизматический авторитет Гитлера и обещание национального спасения, – отмечает историк, – соответствовали ожиданиям различных слоев национально-консервативной элиты» [49, с. 246]. А. Гитлер, считает Я. Кершоу, был точкой пересечения ряда идеологических установок, которые в совокупности составляли уникальную политическую культуру, продуктом которой были эти элиты, и которая распространялась за пределы классовых границ на обширные слои немецкого общества. Сама по себе эта политическая культура не была нацистской. Но она обеспечивала плодородную почву, на которой нацизм мог процветать. Среди ее компонентов были: представления о восстановлении национальной мощи путем «этнической чистки»; империалистическая идея, направленная на доминирование Германии в Восточной Европе за счет славянского населения; представление о Великой Германии, сопровождаемое глубоким негодованием по поводу унижения ее после первой мировой войны; и острая ненависть к большевизму в сочетании с чувством, что Германия является последним оплотом в защите западной цивилизации. Само собой разумеется, что, выражая эти идеи, нацисты нашли бесчисленное количество «добровольных палачей». Так, что силы, которые с «тевтонской яростью», обрушившейся на Советский Союз в 1941 г., и приступившие к поиску все более радикальных решений «еврейского вопроса», не были личным творениями А. Гитлера.

Я. Кершоу ссылается на исследования немецких историков, установивших, что студенты, представители среднего класса в немецких университетах еще в начале 1920-х гг. впитывали фелькишские идеи крайнего расистского национализма. [41, с. 115–44]. Кадры с такими умонастроениями через 10-15 лет после учебы попадали в верхние эшелоны СС и полицию безопасности, а также в государственные, партийные органы и «мозговые центры». Они разрабатывали планы расовой «чистки» на оккупированных территориях на Востоке и создания там нового этнического порядка. К началу 1940-х гг. у некоторых из этих «интеллектуалов», возглавлявших айнзацгруппы на территории СССР, руки были по локоть в крови [49, с. 248–249].

Я. Кершоу развивает тезис, выдвинутый немецким историком Г. Момзенем о том, что Гитлер был «слабым диктатором» и непрерывную радикализацию режима и усиление его разрушительного потенциала нельзя объяснять только приказами и действиями фюрера. Объяснение этому феномену, исследователь видит в том, что харизматический тип лидерства А. Гитлера был наложена на инструменты самого современного государства на европейском континенте, на развитую экономику; на высокоэффективную систему принуждения и репрессий; на сложный аппарат государственного управления; и, не в последнюю очередь, на модернизированную, профессиональную армию, которая жаждала воз-

вращения к дням своей былой славы, ликвидации следов позора, выраженного словом «Версаль», и будущей экспансии для приобретения европейской гегемонии [49, с. 246]. С помощью огромного и всеобъемлющего аппарата террора и пропаганды, система управления оказалась в состоянии сама порождать харизму. Он признает, что именно фюрер был в центре принятия важнейших решений, но государство фюрера функционировало, даже если люди месяцами его не видели и не слышали. В этой оценке роли Гитлера Я. Кершоу сближается с немецким историком К.Д. Брахером, считавшим, что сила Гитлера в его харизме, от имени которого осуществлялись широкомасштабные акции.

Обращение исследователей к изучению идеологии фашизма и ее практической реализации привело к появлению большого числа работ о Холокосте [61], что в свою очередь вновь обострило споры о роли антисемитизма в фашистской идеологии и общем определении фашизма. Ряд историков, большей частью итальянских, пытаются представить режим Б. Муссолини как «меньшее зло» по сравнению с национал-социализмом. По словам профессора Висконсинского университета в Мадисоне С. Пейна, гитлеровская Германия была «некоммунистическим национал-социалистическим эквивалентом» сталинской России: «Италия Муссолини не была похожа ни на ту, ни на другую» [54, с. 176]. Р. Гриффин готов признать, что гитлеровская Германия была фашистской [38], но при этом снимает с итальянского фашизма обвинение в Холокосте. Ряд историков считают, что пришло время избавить фашистскую Италию от клейма позора, но снимать это клеймо с фашистской Германии пока нецелесообразно. На это красноречиво указывает С. Пейн: «Силы, которые способствовали всемирно-исторической катастрофе, трудно рассматривать с научной беспристрастностью» [54, с. vii, 28]. Видимо историк надеется, что научная беспристрастность в будущем приведет к снятию ответственности за Холокост и с национал-социализма.

С этими оценками не согласны многие англо-американские исследователи. Профессор истории и итальянских исследований в Нью-Йоркском университете Р. Бен-Гиат пишет: «Марши смерти, массовые перемещения населения, геноцид и концентрационные лагеря с принудительным трудом и голодным пайком были характерны не только для нацистской Германии или сталинской России, но и для итальянского фашизма...». И далее: «Если мы хотим понять феномен тоталитаризма, мы должны избегать искушения использовать градацию зла в зависимости от количества трупов, которые они производили...» [5].

Не отрицая расистскую сущность итальянского фашизма, профессор Лондонского университета М. Фриден, отмечает, что в нацистской идеологии антисемитизм занимал значительно большее место, будучи связанным с марксизмом, большевизмом и либерализмом, а также с концепциями *Volksgemeinschaft* и *Lebensraum*. Однако, считает ученый, это не повод отказываться от общего понятия фашизм [28, с. 51–55].

В 2000-е гг. исследователи убедительно доказали, что расизм и идеи евгеники были широко распространены среди итальянской элиты и не были результатом сближения Италии с нацистской Германией, как это представлялось ранее. Антисемитизм, интегрированный в ультра национализм, служил средством активизации ослабевающего революционного/антибуржуазного духа итальянского фашизма [29; 50]. О зверствах итальянских войск в Эфиопии, в Ливии в 1935–36 гг. (включая использование отравляющих газов) и на Балканах против славян, бывших, по мнению фашистов, низшей расой, пишут профессор Рузвельтовского университета в Чикаго А. де Гранд [19], А. Каллис [46; 47], профессор Сиракузского университета М. Эбнер [24], профессор Кембриджского университета Р. Гордон [35, с. 296–316], профессор университета Иешива в Нью-Йорке Дж. Циммерман [65].

Профессор университета в Скрантоне Р. Доменико, подтверждая преступную практику итальянского фашизма, отмечает, что мнение об итальянцах, как «хороших мальчиках, которых сбита с пути банда преступников», сложилось в результате политики, проводимой американскими и британскими оккупационными властями, отказавшимися от проведения широкомасштабных чисток и санкций против фашистских преступников. Италия отказалась от выдачи Греции, Югославии, Ливии и другим странам, более 1600 итальянских военных и гражданских лиц, обвиненных в геноциде, отчасти для того, чтобы избежать публичных дебатов, которые могли бы еще больше очернить образ итальянцев во время подготовки мирного договора 1947 г. Союзники закрывали глаза на итальянский обструкционизм в отношении экстрадиции военных преступников ... по идеологическим и геополитическим причинам [21]. Не удивительно, что следствием этой политики, подчеркивает Р. Доменико, стала частичная реабилитация итальянского фашизма. Исследователи исторической памяти итальянцев пришли к выводу, что для большей части населения врагами были немецкие оккупанты, а не ита-

льянские фашисты. Зверства, совершенные итальянскими фашистами на Балканах и на территории колоний, более пятидесяти концентрационных лагерей по всей Италии, в которых содержались евреи и иностранцы во время Второй мировой войны, принудительный труд итальянских евреев в городах и сельской местности – ни одно из этих событий не имеет большого резонанса на уровне индивидуальных воспоминаний, даже среди тех, кто был свидетелем или исполнителем такой политики и/или имел повседневное общение с теми, кто пострадал от нее. Такие местные модели (не-)воспоминаний, которые часто остаются неоспоримыми из-за сохраняющейся недоступности многих коммунальных и провинциальных архивов, перетекают в национальные нарративы, которые закрепляют идею о том, что нацисты «были единственными виновниками массовых убийств, депортаций и насильственных действий» [59, с. 178–194].

Профессор истории Университета Западной Австралии и приглашенный профессор университетов Колумбии, Кембриджа, Оксфорда и Тренто Р. Босворт, зарекомендовавший себя как ведущий специалист по истории итальянского фашизма, в объемной биографии Б. Муссолини оспаривает попытку итальянского историка Р. Де Феличе изобразить фашизм как радикально отличающийся от нацизма. Он указывает на очевидное сходство между двумя идеологиями и неоспоримую связь между Б. Муссолини и А. Гитлером в 1930-х годах [9].

Сторонники общей теории фашизма, предложенной Р. Гриффином, британский историк М. Бёрли и немецкий историк В. Випперман в совместной работе «Расистское государство: Германия 1933–45». Рассматривают расизм и радикальный национализм как основную составляющую фашистской идеологии [14].

Проблема Холокоста побудила историков вновь вернуться к изучению вопроса об ответственности за нацистский террор. Следует отметить, что изучение нацистского террора началось уже в конце Второй мировой войны. Основная часть работ вышла из-под пера американских, английских историков и немецких ученых-эмигрантов, живущих в этих странах. До начала 1960-х гг. были опубликованы многочисленные документы и свидетельства узников концлагерей. Ответственность за террор возлагалась на А. Гитлера, якобы страдавшего маниакальным расстройством психики, СС и Гестапо, объявленных на Нюрнбергском процессе преступными организациями.

С середины 1960-х гг. ответственность за террор историки по-прежнему возлагали на фюрера, но его власть и контроль государственных органов над обществом теперь рассматривались как более слабые. Нацистская элита, раздираемая внутренними разногласиями, пересекающимися юрисдикциями и противоречивыми целями, не имела полного контроля над обществом. Отношение населения к нацистскому режиму также рассматривалось как более разнообразное, многие немцы кипели недовольством и искали способы выразить свое несогласие с политикой руководства страны. Но, обнаруженные в последние годы документы из местных архивов показали, что в распоряжении гестапо было меньше сотрудников, меньше осведомителей и меньше средств для контроля над населением, чем предполагалось ранее. Имея ограниченные ресурсы, гестапо приходилось в значительной степени полагаться на гражданское население как на источник информации. Разгневанные соседи, злые родственники и недовольные коллеги по работе часто использовали аппарат государственной тайной полиции для сведения своих личных и часто мелких счетов.

В 1990-е гг. внимание исследователей переключилось на изучение роли и ответственности простых немцев в уничтожении евреев. Кульминацией этого этапа стала книга Д. Гольдхагена «Добровольные палачи Гитлера: простые немцы и Холокост» [34], ставшая бестселлером как в США, так и в Германии. Д. Гольдхаген утверждал, что немцы в целом поддерживали Холокост, потому что они были одержимы антисемитизмом.

Одним из главных критиков Д. Гольдхагена стал профессор университета Северной Каролины К. Браунинг, автор книги «Обычные люди: резервный полицейский батальон 101 и окончательное решение в Польше» [11]. Он пытался доказать, что люди из любой страны в экстремальной ситуации действовали бы также как немцы. Но, большая часть эмпирических данных о зверствах на оккупированных территориях, которые он приводит лишь незначительно отличаются от доказательств, представленных Д. Гольдхагеном. Таким образом, и К. Браунинг и Д. Гольдхаген рассказывают, по сути, об одном и том же сценарии: значительное число обычных немецких гражданских лиц, часто среднего возраста, призывались на короткий период во время войны в дополнительные полицейские подразделения для расстрела тысяч беззащитных евреев и славян, а затем, возвращались к обычной гражданской жизни.

В 1995 г. Гамбургским институтом социальных исследований была открыта передвижная выставка «Война на уничтожение: преступления немецкой армии, 1941–1944 гг.», развенчавшая миф о непричастности вермахта к геноциду еврейского народа, к преступлениям против советских военнопленных и гражданского населения. Совмещая эти материалы со свидетельствами К. Браунинга и Д. Гольдхагена, уже невозможно утверждать, что Холокост был совершен исключительно подразделениями СС, как это заявлялось ранее.

Проведя сравнительное изучение экспансионистской политики Италии и нацистской Германии, А. Каллис пришел к выводу, что социал-дарвинизм, прославление войны в нацистской идеологии были неразрывно связаны с акцентом на насильственные действия. К таким же выводам пришел сотрудник Немецкого исторического института в Лондоне С. Райхардт в исследовании «Фашистские марши в Италии и Германии: Сквадристы и СА перед захватом власти» [58]. Автор, изучив большое число документов, пришел к выводу, что насилие являлось важнейшей политической практикой фашизма. «Для них насилие, пронизанное ритуальными элементами, несло в себе положительный заряд. Возвышение насилия обусловлено тем, что фашисты не разработали модель общества будущего и ничего не могли сказать о мире, который должен был возникнуть в результате "революции", продиктованной фашистским культом насилия» – пишет исследователь [58, с. 188]. По мнению С. Райхардта, для фашистов насилие было выражением их образа жизни. Насилие было не только тем, что фашисты делали лучше всего, оно было неотъемлемой частью идентичности фашистских движений. «Фашистские уличные шествия в Италии, – пишет С. Райхардт, – часто инсценировались как триумфальное шествие героев, прославляющих представителей и лидеров фашизма. Они представляли собой смесь усыпанной цветами процессии, одобряемой общественностью, и военной кампании. Фольклорные черты, карнавальные песни и флаги были столь же очевидны, как и угрожающая военная символика» [58, с. 179–180].

Если фашизм в первую очередь являлся насилием, то как к этому относилось население? До 1970-х гг. историки, руководствуясь доктриной тоталитаризма писали, что нацистская диктатура использовала террор для подавления оппозиции и контроля всех сторон общественной жизни. Итальянский фашизм рассматривался как «несостоявшийся тоталитаризм» и большое внимание уделялось движению Сопротивления, имевшему место в Италии. Обращение к идеологическому толкованию фашизма позволило историкам вновь вернуться к исследованию вопроса о степени народной поддержки фашистского режима.

Как считает профессор истории Центрального Мичиганского университета Э.А. Джонсон, автор исследования «Нацистский террор: Гестапо, евреи и простые немцы» [44], ключ к пониманию жестокого, но всегда эффективного нацистского террора заключался в его избирательном характере, направленном против расовых, политических и социальных врагов нацистского режима; в то же время игнорируя легкое неповиновение со стороны других граждан Германии. Такое двойственное отношение к различным слоям немецкого населения помогло нацистскому режиму обрести легитимность и поддержку среди населения. Действительно, многие немцы воспринимали террор не как личную угрозу для них, а как меру, служившую их интересам, что гарантировало Гестапо поддержку со стороны простых граждан. Хотя значительное число немцев решительно поддерживало антисемитскую и антигуманную политику режима, но было немало и тех, кто этого не делал. Автор приходит к достаточно объективному выводу, что согласие с нацистским режимом гражданского населения сделали возможными преступления нацистов против человечности. Э.А. Джонсон показал, что террор, начавшийся в 1933 г. шел по нарастающей. В первые годы правления нацистов террор был направлен против евреев, коммунистов, социал-демократов. Как только угроза со стороны левых политических сил была устранена (к середине 1930-х гг.), террор стал концентрироваться на подавлении оппозиции в религиозных кругах и на удалении из общества тех, кого нацистский режим считал социальными аутсайдерами (гомосексуалисты, профессиональные преступники, физически и умственно неполноценные). Террор достиг своего апогея в годы войны, выразившись в беспрецедентности и масштабности массовых убийств.

Анализируя обстановку в Германии, Э.А. Джонсон пишет: «Удивительно, как много людей смогли найти в себе смелость танцевать под запретный свинг ... и выражать свое недовольство правительству множеством способов, но они не могли набраться мужества и сострадания, чтобы выразить отвращение и нарушить молчание по поводу систематических убийств миллионов беззащитных и невинных мужчин, женщин и детей» [44, с. 620].

Что касается Италии, то первоначально широкое распространение в исторической литературе получила точка зрения, что тоталитарный режим Б. Муссолини силой насаждал свою политику, а отношения между населением и режимом рассматривались как антагонистические. В 1973 г. профессор университета Джона Гопкинса А. Литтелтон в исследовании посвященном итальянскому фашизму отметил, что успехи фашизма были основаны на поддержке среднего класса и аграриев [51].

Вопрос о поддержке фашизма интеллектуальной элитой Италии рассмотрели Дж. Грегор, профессор политологии Калифорнийского университета в Берклии Р. Бен-Гиат. Будучи сторонниками «сакрализации политики» они поставили в центр исследования вопросы использования фашизмом эстетики и ритуалов для создания согласия в обществе и конструирования «Нового человека» и «Новой Италии». По мнению Дж. Грегора «фашизм представлял заслуживающую доверия и последовательную систему убеждений» [36. с. 3]. Невольно напрашивается вывод: если фашистские идеи «заслуживают доверия», не означает ли это, что в них верили сотни тысяч итальянцев.

Исследуя взаимоотношения фашистского режима и представителей творческой интеллигенции, Р. Бен-Гиат приходит к выводу: «многие фашистские интеллектуалы ... верили, что итальянцы, могут возродиться и обновиться с помощью искусства [р. 6]. Она считает, что режим Муссолини стремился приписать себе все культурные достижения и достижения в сфере социального и технического прогресса. Таким образом, фашизм и современность стали синонимами. К началу 1930-х гг., считает исследователь, большинство итальянцев верили, что Муссолини был создателем нового типа современной цивилизации, в которой энергия и продуктивность обычных людей во всех сферах жизни были пропитаны фашистским духом, содержащим революционизирующий импульс к обновлению и альтернативной современности. Р. Бен-Гиат делает вывод, что биологический расизм был неотъемлемым компонентом фашистского ультранационализма.

Таким образом, наивно предполагать, что, когда министр образования Дж. Боттаи утверждал в бюллетене Министерства в 1938 г., что чистка университетов «освободит нас от вероломного народа, омолодит университеты и очистит расу», он не подражал своему коллеге в Третий рейх. Даже официальный орган Ватикана, L'Osservatorio Romano, осудив материализм нацистского расизма, поддержал ограничения на гражданские свободы евреев. Даже если многие «простые» итальянцы отказывались подчиняться, а некоторые активно помогали евреям избежать преследований, все равно не было недостатка в непримиримых фашистах, готовых проводить антисемитскую политику, которая привела к преследованию итальянских евреев, конфискации их имущества и депортации 7000 человек в лагеря смерти.

Еще одно новое направление изучения фашизма – локально-региональная история, которая обогащает наши знания об изучаемом объекте, помогает лучше понять, как воспринимается в глубинке политика, проводимая центральной властью [27]. Английский историк, профессор Сиенского университета П. Корнер, изучил общественное мнение в провинциях на основе документов местных отделений фашистской партии – главным образом отчетов, подготовленных обширной сетью полицейских информаторов. Исследование П. Корнера поставило под сомнение версию относительно-тоталитарной природы фашизма. Фашисты выдвигали грандиозные планы о создании новой национальной централизованной системы государственного управления, чтобы заменить старую коррумпированную либеральную демократию, которая поощряла местечковую самостийность. Но на практике местные фашистские секции были встроены в старую систему управления, не вызвав никаких социальных изменений. Не было покончено с коррупцией и кумовством; скорее, изменились бенефициары. Это привело к значительному падению авторитета и популярности режима уже во второй половине 1930-х гг. П. Корнер датирует вершину народного согласия с фашистским режимом 1929 г., когда были подписаны Латеранские соглашения с Ватиканом. Этот краткий миг величия вскоре исчез в результате кажущейся бесконечной экономической депрессии. Падению авторитета фашизма способствовало, то, что руководители местных партийных организаций в период кризиса обедали в хороших местных ресторанах, разъезжали на служебных автомобилях в компании любовниц. Сохранились сообщения о продаже ими рабочих мест нуждающимся безработным и тендерах на государственные контракты за взятки, что расценивалось как «нефашистское поведение» [18].

В контексте «культурного поворота» большое внимание историки стали уделять роли деятелей культуры в пропаганде идей фашизма и формировании образов будущей Германии и Италии. Исследования показали, что по мере распространения фашизм завоевывал все большие симпатии творческой элиты, которая уже была заражена расизмом и антисемитизмом. Были подняты такие проблемы

как «эстетизация политики» и роль модернизма в сфере культуры, самопрезентация фашизма в архитектуре, строительстве новых городов, например, на Понтийских болотах. Историки обратились к архивам визуальной информации, включающим кино, живопись, скульптуру и фотографию [1; 2; 7; 10; 15; 25; 42; 60]. Внимательное изучение самопрезентации фашизма, по мнению профессора университета Нотр-Дам Дж. Томас, может приблизить нас к пониманию таких аспектов фашистской идеологии, как фантазии о возрождении национального единства и какие приемы использовали фашисты для того, чтобы вызвать правильные эмоции у зрителей [64].

Формулировка Р. Гриффином родового понятия «фашизм» обусловила появление сравнительных исследований различных фашистских движений, возникших в межвоенный период. В 2000 г. была создана Международная ассоциация сравнительного изучения фашизма, стал выходить «Журнал сравнительных исследований фашизма». По мнению Р. Пакстона: «различия между нацистской Германией и фашистской Италией существуют в пределах базовой общности, что делает сравнительный анализ заслуживающим внимания. И далее: «фашизм имел разный уровень успеха в разных странах. Надо понять почему так произошло. Было ли это результатом случайных факторов или обусловлено глубокими причинами» [52, с. 549]. Одним из первых в данной области стал сборник статей «Сравнительные фашистские исследования» под редакцией К. Иордачи [17]. Это антология статей ведущих исследователей, пытающихся дать сравнительный анализ фашизма в европейских странах.

Подводя итог следует отметить, что США и Великобритания, наряду с ФРГ, являются крупнейшими центрами по изучению истории фашизма. Значительная часть работ отличается сравнительно высоким профессиональным уровнем. В 1990-е гг. в результате «культурного поворота» социальная история отошла на второй план. Фашизм стал рассматриваться не как последствие социального и политического кризиса, а как кризис культуры. Расширилась тематика исследований. Следует отметить, что изучение идеологии и культуры фашизма является важным дополнением к наработкам социологов, изучавших главным образом социальную базу и функции фашизма. Для создания общей теории фашизма необходимо объединение достижений историков в сфере изучения идеологии и результатов, полученных социальными науками, иначе, определения, делающие упор лишь на одну сторону столь сложного феномена, так и останутся неполными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adamson W. L., *Avant-Garde Florence. From Modernism to Fascism*. Cambridge, MA 1993. 352 p.
2. Antliff, M. *Avant-Garde Fascism. The Mobilization of Myth, Art, and Culture in France, 1909-1939*. Durham, NC 2007. 372 p.
3. *Art, culture, and media under the Third Reich* // Ed. By R. Etlin. R. The university of Chicago press, 2002. 373p.
4. *Becoming a Nazi Town: Culture and Politics in Göttingen between the Wars* // By David Imhoof. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013. 278 p.
5. Ben-Ghiat R. *A Lesser Evil? Italian Fascism in/and the Totalitarian Equation* // *The Lesser Evil: Moral Approaches to Genocide Practices in a Comparative Perspective* // Ed. By Dubiel H. and Motzkin G. London: Frank Cass, 2004. 240 p.
6. Ben-Ghiat R. *Italian fascism's empire cinema*. Indiana University Press, 2015. 400 p.
7. Ben-Ghiat, R. *Fascist Modernities. Italy, 1922-1945*. Berkeley 2004. 327 p.
8. Bosworth, R.J. B. *The Italian Dictatorship: Problems and Perspectives in the Interpretation of Mussolini and Fascism*. London: Arnold. 1998. 269 p.
9. Bosworth R. J. B. *Mussolini*. London, Arnold, 2002. 584 p
10. Braun E. *Sironi Mario and Italian Modernism. Art and Politics under Fascism*. Cambridge 2000. 346 p.
11. Browning C. R. *Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland*. Harper Collins, 2017. 384 p.,
12. Burleigh M. *Sacred Causes: The Clash of Religion and Politics from the Great War to the War on Terror*. New York: Harper Collins, 2007. 557 p.
13. Burleigh M. *The Third Reich: A New History*. London, PanMacmillan. 992 p.
14. Burleigh, M. and Wippermann, W. *The Racial State: Germany 1933-45*. New York: Cambridge University Press. 1991. 386 p.
15. Caprotti F. *Mussolini's Cities. Internal Colonialism in Italy 1930-1939*. - Youngstown, New-York 2007. 290 p.
16. Champagne J. *Aesthetic Modernism and Masculinity in Fascist Italy*, Routledge: Abingdon, 2013. 221 pp.
17. *Comparative fascist studies: new perspectives* // Ed. by C. Iordachi. London and New York, Routledge, 2010. 384 p.
18. Corner P. *The Fascist Party and Popular Opinion in Mussolini's Italy*. Oxford: Oxford U.P., 2012. 302 p.
19. De Grand A. *Fascist Italy and Nazi Germany*. New York: Routledge, 1995. 158 p.

20. Dobry M. February 1934 and the Discovery of French Society's Allergy to the «Fascist Revolution». In *France in the Era of Fascism: Essays on the French Authoritarian Right* // Ed. By Brian Jenkins. New York and Oxford: Berghahn, 2005. 256 p.
21. Domenico R. *Italian Fascists on Trial 1943-1948*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1991. 315p.
22. Eatwell R. Towards a New Model of Generic Fascism // *Journal of Theoretical Politics*. 1992, N 4, pp. 162-194.
23. Eatwell, R. Explaining Fascism and Ethnic Cleansing: The Three Dimensions of Charisma and the Four Dark Sides of Nationalism // *Political Studies Review*, 4(3), pp.263-278.
24. Ebner M. *Ordinary Violence in Mussolini's Italy*. - Cambridge University Press, 2014. 305 p.
25. Falasca-Zamponi S. *Fascist Spectacle: The Aesthetics of Power in Mussolini's Italy*. University of California Press, 1997. 303 p.
26. *Fascism, Totalitarianism and Political Religion* // Ed. By R. Griffin. Routledge, 2013. 240 p.
27. Ferris K. *Everyday Life in Fascist Venice, 1929-40*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2012. 272 p.
28. Freedman M. *Ideology a very short introduction*. New York: Oxford University Press, 2003. 142 p.
29. Gellately R. *Backing Hitler: Consent and Coercion in Nazi Germany*. Oxford and New York, 2001. 384 p.
30. Gentile E. *The Sacralization of Politics in Fascist Italy*. Princeton University Press, 2006. 222 p.
31. Gentile E. The Sacralisation of politics: Difinitions? Interpretations and reflections on the questions of secular religion and totalitarianism // *Totalitarian Movements and Political Religions*, 1 Jun, 2000. P. 18-55.
32. Ghirardo, D. *Italy: Modern Architectures in History*, London: Reaktion Books, 2013. 256 p.
33. Gillette A. *Racial Theories in Fascist Italy*. New York, Routledge 2014. 256 p.
34. Goldhagen D. *Hitler's willing executioners*. New York, Alfred A. Knopf, 1997. 634 p.
35. Gordon R. S.C., *Race*. The Oxford Handbook of Fascism // Ed. by R. J. B. Bosworth. Oxford University Press, 2009. 626 p.
36. Gregor A. J. *Mussolini's Intellectuals: Fascist Social and Political Thought*. Princeton University Press, 2005. 296 p.
37. Griffin R. *The nature of fascism*. London, 1991. 245 p.
38. Griffin R. *Modernism and fascism. The sense of a beginning under Mussolini and Hitler*. Basingstoke, Palgrave-Macmillan, 2007. 470 p.
39. Griffin R. Was Nazism Fascist? // *Modern Historical Review*, 5/1 (1993), Pp. 15–17.
40. Gurian W. *Totalitarianism as Political Religion* // *Totalitarianism*. Ed. by Carl J. Friedrich. New York., Grosset & Dunlap, 1964. 384 p.
41. Herbert U. *Generation der Sachlichkeit: Die völkische Studentenbewegung der frühen zwanziger Jahre in Deutschland* // eds. Frank Bajohr F., Johe W. and Lohalm U. *Zivilisation und Barbarei. Die widersprüchlichen Potentiale der Moderne*. Hamburg 1991. 356 S.
42. Hewitt A. *Fascist Modernism: Aesthetics, Politics, and the Avant-Garde*. Stanford 1993. 222 p.
43. Imhoof D. *Becoming a Nazi Town: Culture and Politics in Göttingen between the Wars*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013. 278 p.
44. Johnson E.A. *Nazi terror. The Gestapo, Jews, and Ordinary Germans*. New York, 1999. 636 p.
45. Kallis A. *When Fascism Became Mainstream: The Challenge of Extremism in Times of Crisis* // *Fascism Journal of Comparative Fascist Studies*. vol. 4, 2015, Issue 1. P. 1-24.
46. Kallis A. *Fascist Ideology. Territory and Expansionism in Italy and Germany, 1922-1945*. London and New York: Routledge, 2000. 304 p.
47. Kallis A. *Genocide and Fascism. The Eliminationist Drive in Fascist Europe*. New York, 2009. 414 p.
48. Kallis A. *Fascism* // *Encyclopedia of Modern Europe. Europe Since 1914: Encyclopedia of the Age of War and Reconstruction* / Merriman J., Winter J. (eds.). NY: Charles Scribner's Sons/Gale Thomson, 2006. Vol. 2. P. 1053-1065.
49. Kershaw I. *Hitler and the Uniqueness of Nazism* // *Journal of Contemporary History* Vol 39(2). P. 239–254.
50. Knox M. *Common Destiny: Dictatorship, Foreign Policy, and War in Fascist Italy and Nazi Germany*. Cambridge University Press, 2000. 262 p.
51. Lyttelton A. *Rethinking the Nature of Fascism* // Ed. By Costa Pinto A. London: Palgrave, 2011. 287 p.
52. *The Oxford Handbook of Fascism* // Ed. By R. J. Bosworth. Oxford University Press. 2010. 644 p.
53. Paxton, Robert O. 1998. *The Five Stages of Fascism* // *Journal of Modern History* 70, no. 1. P. 1–23.
54. Payne S. *Fascism: Comparison and Definition*. - Madison : University of Wisconsin Press, 1980. 234 p.
55. Payne S. *Foreword* // *Rethinking the Nature of Fascism Comparative Perspectives* Edited by António Costa Pinto Springer, 2010. 287 p.
56. Payne S. *On the Heuristic Value of the Concept of Political Religion and its Application* // *Totalitarian Movements and Political Religions* vol. 6, no. 2. P. 163-174.
57. Ponzio A. *Shaping the New Man: Youth Training Regimes in Fascist Italy and Nazi Germany*. Madison: University of Wisconsin Press, 2017. 316 p.
58. Reichardt S. *Fascist Marches in Italy and Germany: Squadre and SA before the Seizure of Power* // *The Street as Stage: Protest Marches and Public Rallies since the Nineteenth Century* // Ed. By Matthias R. Oxford University Press, 2007. P. 169-189.

59. Sluga G. *Fascism: History, Memory and Representation* // Ed. By R.J. Bosworth, P. Dogliani. Palgrave Macmillan, 2016. 245 p.
60. Stone M.S. *The Patron State. Culture and Politics in Fascist Italy*. - Princeton, NJ 1998. 338 p.
61. *The Historiography of the Holocaust* // Ed. By D. Stone. Springer, 2004. 573 p.
62. *The Nature of fascism: proceedings of a conference held by the Reading University Graduate School of Contemporary European Studies*. Ed. by S. J. Woolf. London, Weidenfeld & Nicolson, 1968. 261 p.
63. Tumblety J. Rethinking the Fascist Aesthetic: Mass Gymnastics, Political Spectacle and the Stadium in 1930s France // *European History Quarterly*, 2013, 43(4) pp. 707-730
64. *Visualizing fascism* // Ed. by J. Thomas. Durham, London, 2020. 337 p.
65. Voegelin E. *Political Religions*, translated by T. J. DiNapoli and Peter Emberley, edited by Barry Cooper. Lewistown, New York: Edwin Mellen Press, 1986. 150 p.
66. Zimmerman J.D. *Jews in Italy under Fascist and Nazi Rule, 1922-1945* // Ed. by Zimmerman J.D. Cambridge 2005. 374 p.

Поступила в редакцию 20.04.2023

Сергеевкова Инна Фёдоровна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии, международных отношений и всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: sergeenkova.inna@yandex.ru

I.F. Sergeenkova

**"CULTURAL TURN" AND MODERN APPROACHES TO THE STUDY OF FASCISM
IN ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-5-1035-1046

The article examines new trends in the study of fascism presented in the historical literature of the USA and Great Britain since 1990s, associated with the "cultural turn" in historical science. In the historiography of fascism, the "cultural turn" was expressed in the researchers' appeal to the study of ideology that had not been taken seriously before. Historians have returned to the consideration of fascism as a political religion, to the concept of M. Weber on charismatic leadership, to the study of anti-Semitism, the Holocaust, fascist culture, the influence of ideology on the daily lives of ordinary people in fascist states and the practice of creating a new person, to a comparative study of fascist movements. To achieve this goal, the author turns to the classical studies of fascism in the works of R. Griffin, S. J. Payne, R. Eatwell, A. Kallis, I. Kershaw, R. Ben-Ghiat, etc.

Keywords: fascism, nazism, political religion, charismatic leadership, anti-Semitism, Holocaust, modernism.

Received 18.04.2023

Sergeenkova I.F., Candidate of History, Associate professor
at Department of Modern and Contemporary History and International Relations
Udmurt State University
Universitetskaya, st.,1, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: sergeenkova.inna@yandex.ru